

Экипаж танка 321. Берегите цинк — подрастает сын

Можно я скажу от их имени. Сами они уже ничего не скажут.

“Нас предали. Попросили пойти на фронт и победить. Мы пошли и отвоевали Южную Осетию и Абхазию. Теперь Россия супердержава. Но что это за держава, которая постоянно врет? Которая, пока мы были живыми, говорила, что нас там нет, а теперь, когда нас действительно нет, говорит, что мы существуем. У нас отобрали жизнь, дату смерти и вечный покой. Мы — это экипаж танка №321 1-й роты танкового батальона 693-го гвардейского мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии 58-й армии. Рядовые срочной службы. Я — Максим Пасько из Москвы, а я — Дмитрий Бурденко из Стерлитамака. А это — наш командир, лейтенант Молчан Михаил Владимирович из Челябинска. Можно без отчества, ему всего-то 25 лет”.

Живые или мертвые

О смерти своих детей семьи Молчан и Бурденко узнали из Интернета. Похорожки пришли только 18 августа, а списки погибших, тайком стащенные в Минобороны, “Комсомольская правда” опубликовала на целые сутки раньше. Но и после того, как родители Димы Бурденко получили на него похоронку, представитель Генштаба генерал-полковник Ноговицын еще два дня врал, что срочники в боевых действиях не участвуют. Родители Димы верили Ноговицыну, а не похоронке. Не станет же генерал отрицать очевидное. А телеграмма, наверное, пришла по ошибке. Вон на днях Серегу Тарасова, сержанта-контрактника из той же Башкирии, тоже похоронили, а он взял да ожил. Отзвонился из госпиталя: все, мол, в порядке, теперь 100 лет проживу. Примета такая.

Стали родители в часть звонить. Дозвонились. Да нет, говорят в части, все верно, погиб ваш сынок 12 августа. Танк №321 подбили. Три человека там было — механик-водитель Максим Пасько, командир танка, взводный из 1-й роты Михаил Молчан, и сын ваш — Бурденко Дмитрий, оператор-наводчик. В Ростов их тела отвезли, в госпиталь, в морг. Туда и звоните.

Позвонили в Ростов. Нет, говорят, у нас тел. Перезвонили еще раз десять. Нашлись наконец тела. “Опознать можно?” — спрашивают родители. “Да, конечно, тела узнаваемы”, — отвечают врачи. “А когда их домой привезут?” — “Ну, не знаем, экспертизу бы надо сначала сделать. Пришлите, пожалуйста, кровь на анализ ДНК”.

Кровь родственники послали экспресс-почтой. Пока не дошла.

— Может быть, нам самим приехать? — спрашивают родители.

— Не надо, — отвечают врачи.

Дата смерти

Точную дату гибели своих детей родители узнали из Интернета. Во всех трех похоронках написано, что и Пасько, и Бурденко, и Молчан погибли 12 августа. При этом родители хорошо помнят, что последний раз разговаривали со своими детьми по телефону 11 августа. Максим и Дима писали свои эсэмэски из Цхинвали, а лейтенант Молчан отзвонился, когда проехал Рокский тоннель.

Это же очень важно — дата смерти. Это ж теперь точка отсчета другой жизни. Девять дней, сорок дней, год. Майор Прялков, ВРИО командира 693-го полка, насчет чисел не заморачивался. Написал всем троим — 12 августа, день эвакуации трупов с поля боя. Днем раньше, днем позже — майору какая разница?

А тут в интернет-газетах сообщения пошли о штурме какой-то неведомой Земо-Никози. Писали, что грузины два наших танка подбили из 693-го полка. Ближе к вечеру дело было, все сходится. И последние звонки с эсэмэсками, и время боя, и танки сожженные.

В части молчат, как будто их всех там грузины положили. Еле дозвонились до начальника штаба. Фамилию, правда, родители не узнали. Только должность и звание. То ли начальник штаба полка. То ли одного из батальонов.

— Товарищ майор, так как же так получилось? Как Миша погиб?

— Да мы без боеприпасов остались, — ответил майор по секрету. — А нас гранатометчики и обложили.

— Как же вы без снарядов на штурм пошли? — успели спросить родители.

Разъединилось. Связь плохая.

Ошиблись поворотом

Подробности последнего боя родители узнали из Интернета. В том числе, и из моего блога, где я повесил вчера записанный мною монолог журналиста, ветерана чеченской войны Аркадия Бабченко, ехавшего 11-го числа в этой же злосчастной колонне. Вот этот пост:

“...Мы вышли из Цхинвала около 14.00 11 августа. Колонна была здоровая, растянулась километров на пять. Всю ее — от головы до хвоста — я даже не видел. Сам находился приблизительно во второй трети колонны, ближе к хвосту, вместе с ямадаевцами. Вообще колонна состояла из псковских десантников, которые шли далеко впереди, скорее всего, в авангарде, танкистов (не менее тридцати машин “Т-72”), пехоты 693-го полка и ямадаевцев, числом до роты. Мне сказали, что их было 100 человек. Ямадаевцы ехали в трех маталыгах (МТЛБ — многофункциональный тягач легкобронированный. — В.Р.) и на двух или трех трофейных БМП-2.

Я сидел на броне последнего МТЛБ. Нами колонна не заканчивалась. Сзади, помню, шла еще бэшка 693-го полка, за ней медрота.

Скорость колонны была примерно 10 км в час.

Куда мы ехали? Поначалу нам сказали, что едем чистить грузинские села, в частности Тамарашени. Но на деле вышли сразу на Гори.

В Земо-Никози мы зашли по ошибке, просто ошиблись поворотом. Заезжать в Земо-Никози мы были не должны. Видимо, поэтому мы зашли туда походной колонной. Над Земо-Никози висел грузинский флаг. Помню, перед самым селом по колонне передали команду: “Интервал 100 метров”. Видимо, старший колонны почувствовал угрозу.

Кто был старшим всей колонны — не знаю. Той частью, в которой находился я и которая не успела войти в Земо-Никози, командовал, кажется, начштаба одного из мотострелковых батальонов 693-го полка, насколько я помню, майор.

Что я видел. Наша маталыга была в 2—3 км от Земо-Никози, когда голова колонны уже втянулась в село. Само село скрыто за чинарами, но я видел отдельные дома. Среди них выделялись два-три белых длинных одноэтажных здания, предположительно животноводческие фермы. Они располагались на расстоянии 200—300 метров друг от друга. Перед одним из них я увидел вспышку. Возможно, стреляли из “Фагота” (переносной противотанковый ракетный комплекс. — В.Р.). В селе к этому моменту начался бой. Уже подожгли какую-то нашу технику, полз характерный черный жирный дым. Как обычно от горящего танка. Наши танки были подбиты в правой стороне села. Заработали наши САУ, они били в левую сторону села.

Минут через 5—10 наш МТЛБ выдвинулся в сторону Земо-Никози. Не доходя метров 500, остановились. Простояли минут 15, затем спешили и пошли в село. Вошли в зону обстрела, который шел по перекрестку. Под огнем добрались до водокачки. У водокачки ранило в ногу Терека — командира одного из взводов в батальоне “Восток”. Я его перевязал. Мы вытащили Терека, отвезли его к медикам, которые стояли за нашим МТЛБ. В это же время к медикам подвезли еще шестерых раненых на бэхе. Все средней тяжести. Это были пехотинцы с 693-го полка.

Они сказали, что сожжен один танк и одна БМП. Впоследствии я узнал, что в Земо-Никози сожгли два танка, одну БМП и один “Урал”. Что с экипажами, никто не знал, но “Востоку” была поставлена задача дойти до танков и эвакуировать экипажи, если они живые (выделено мной. — В.Р.).

Под самим Земо-Никози я трупов не видел. Все трупы пехота убрала в десантные отсеки БМП. В тот день от разных людей я узнал, что погибли 9 человек. Мне эта цифра кажется объективной.

Ночью мы слышали перестрелку в Земо-Никози. Там что-то горело. Часа в 4 утра на нас вышли пять танков 693-го полка. Они всю ночь катались по селу, заблудились, даже пристраивались в хвост грузинской колонне, пока наконец не вышли с нами на связь и не вырвались из села.

Я отчетливо помню, что танкисты 693 полка везли на броне двух убитых. Они были накрыты плащ-палатками, из-под которых торчали берцы.

Было еще трое погибших пехотинцев, они успели выскочить из бэхи, отбежать в сады, где их и накрыла “Муха” (ручной гранатомет. — В.Р.). Когда я улетал 12 августа, часов в 16, танкистов в вертушки еще не грузили. Ходил начмед, и ему было сказано: разбирайся сначала с этими, а потом повезешь этих. И кивок в сторону мертвых танкистов.

Когда мы 12-го прибыли в Гори, то услышали по грузинскому радио, что война закончилась. И я оттуда свалил...”

А теперь обобщим информацию об этом бое. Очевидно, что никакого штурма Земо-Никози не планировалось. Войска в тот день шли не воевать, а просто побряцать оружием на подступах к Гори. В пользу этой версии говорит и заход в Земо-Никози не в боевом, а в походном порядке, и недостаточное количество боеприпасов в танке №321, о чем выше в телефонном разговоре с родителями проговорился майор. Грузинские защитники села Земо-Никози тоже, кажется, не планировали воевать с русскими — в том случае, если колонна пройдет мимо села в сторону Гори. Но в свое село они армию пускать категорически не хотели. И даже предупредили нас о своей решимости, вывесив над Земо-Никози национальный флаг. Подойди мы к селу по-боевому, у противника не было бы ни единого шанса оказать эффективного сопротивления. Но наши очухались только когда голова колонны уже втянулась в село. И этого противнику оказалось достаточно, чтобы сжечь два танка.

Вот так выглядело последнее сражение пятидневной войны. Как несчастный случай. Как будто механик-водитель уснул на горной дороге, и два танка упали в пропасть. И в первых рядах наших Вооруженных сил сразу за псковскими десанниками и впереди чеченского спецназа шли не прожженные военные рексы, а 19-летние мальчишки-срочники. Шли и разлетались на молекулы от кумулятивных гранат, в то время как Москва говорила, что их там нет и быть не может. И с каждым днем ее ложь все больше походила на правду. Вот были Пасько и Бурденко, выстрелил “Фагот”, секунда — и вот их нет.

А чего б я хотел?

— А че б ты хотел? — спросят меня. — Чтобы солдаты на войне не гибли? Так на то она и война.

Я бы хотел, чтобы генералы перестали врать родителям погибших солдат. Не потому, что родители так уж хотят знать генеральскую правду, а просто из уважения и к павшим, и к их родным. Я бы хотел, чтобы похоронки не рассылались срочными телеграммами, а привозились лично кем-то из старших офицеров полка, не ниже майора. А лучше пусть генералы возят. Генералов у нас в армии завалили, солдат не хватает. Пусть ездят при всех регалиях и лампасах, как почтальоны, хоть в Москву, хоть в райцентр Октябрьский Челябинской области, где жил лейтенант Михаил Молчан.

Я бы хотел, чтобы экспертизу ДНК в таких случаях делали мгновенно, а не растягивали ее на три недели. Это возможно, что бы там ни говорили специалисты. Когда отец Максима Пасько привез в Ростов свою кровь, выяснилось, что он мог бы и не торопиться. В субботу и воскресенье лаборатория не работает.

Я бы хотел, чтобы наша армия за свой счет привезла родителей погибшего экипажа в Ростов и показала им хотя бы то, что осталось от их детей. Чтобы они не мучились неделями от зловещей глухой неопределенности и не искали своих детей, забывая их фамилии и номер части в поисковую строку Яндекса. И не питали напрасных надежд, от которых потом так тяжело избавляться. Я бы хотел, чтобы по центральному телевидению показывали в эти дни не ликование чужих нам в общем-то южных осетин по случаю признания их государственности, а торжественные похороны русских солдат, которые так легко и щедро поотдавали свои жизни за чужие мечты. И чтоб на гробах лежал российский флаг. И чтоб почетный караул стрелял в воздух. И чтоб новоиспеченный теперь уже всамделишный президент Эдуард Кокойты тоже присутствовал на похоронах Димы Бурденко, оператора-наводчика из танка №321.

И еще я бы хотел, чтобы кто-нибудь из высших чинов Минобороны, из тех, кто бессовестно врал, что в Южной Осетии нет солдат-срочников, подал бы в отставку. Или застрелился. А еще лучше присутствовал бы на всех похоронах этих самых срочников, которых якобы не было на войне.

А если все это ну никак невозможно, я бы хотел, чтобы кто-нибудь исправил дату гибели экипажа №321. С 12

августа на 11-е. Потому что это сейчас самое главное — когда отмечать девять дней, когда сорок, а когда год.

P.S. Двадцать лет назад мой друг, панк-рок-музыкант и поэт Сережа Лукашин из деревни Кременкуль Челябинской области (моей родной деревни, что совсем недалеко от поселка Октябрьский, где живут родители погибшего командира танка №321 Михаила Молчана) написал коротенькую песню “Берегите цинк”. Я услышал ее один раз и запомнил на всю жизнь:

Товарищи, в стране нехватка цинка.

Об этом и душа моя болит.

Недавно сына получил в посылке,

А ящик даже цинком не обит.

Берегите цинк,

Подрастает сын.

Берегите цинк, цинк.

Подрастает Ваш сын.

Панк-фолк-рок-группа Сережи Лукашина называлась “Водопад имени Вахтанга Кикабидзе”. Записи этой группы до сих пор можно купить на Горбушке. Группы имени того самого Мимино, который сейчас желает смерти нашей с ним когда-то общей стране. Я не могу разделить его позицию. В отличие от Бубы у меня нет в запасе другой родины. Но я его понимаю.

Автор: Вадим Речкалов © Московский комсомолец ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 10071 28.08.2008, 15:46 📄 895

URL: <https://babr24.com/?ADE=47199> Bytes: 12782 / 12754 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Вадим Речкалов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: [Станислав Цырь](#)

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)